

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ РОССИИ ¹

Л. Попова,

д-р экон. наук, доцент, заместитель директора по научной работе

Е. Зорина,

научный сотрудник

*(Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН)*

Демографическим старением территории называется увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения. Это один из глобальных вызовов современности, который касается практически всех стран мира и затрагивает все группы населения. Демографическое старение имеет разнообразные аспекты и многочисленные экономические, социальные и политические последствия. В экономической сфере оно отражается на экономическом росте, сбережениях, инвестициях и потреблении, рынке труда, пенсиях, налогообложении, трансфертах между поколениями. В социальной сфере сказывается на составе семьи и условиях жизни, потребностях в жилье, миграционных тенденциях, эпидемиологической обстановке и потребностях в медицинских услугах. В политической сфере способно повлиять на результаты выборов и систему политического представительства ².

Первый доклад ООН по демографическому старению был опубликован более 60 лет назад, в 1956 г. К началу 1980-х гг. эта проблема приобрела глобальный характер. В 1982 г. состоялась 1-я Всемирная ассамблея ООН по вопросам старения населения, на которой было признано, что этот процесс является одной из первоочередных проблем человечества. В 1991 г. Генеральная Ассамблея ООН рекомендовала правительствам всех стран включить в свои национальные программы Принципы ООН в отношении пожилых людей: независимость, участие, уход, реализация внутреннего потенциала, достоинство. 1999 г. был объявлен ООН Международным годом пожилых людей. В 2002 г. была проведена 2-я Всемирная ассамблея по вопросам старения населения. Выработанный на ней международный план действий сфокусирован на трех приоритетных направлениях улучшения жизни населения старшего возраста: пожилые люди и развитие общества; укрепление здоровья и благосостояния пожилых людей; создание удобной и благоприятной среды для их проживания. Он содержит рекомендации в семи областях: здравоохранение и питание; защита пожилых людей как потребителей; жилье и окружающая среда; семья; социальное обеспечение; обеспечение доходов и занятость; образование ³.

В Российской Федерации за минувшие шесть десятилетий доля населения старше трудоспособного возраста увеличилась почти в два с половиной раза: с 10,2% в 1959 г. до 25,4% к началу 2018 г. В последнее время процессы демографического старения в силу ряда причин в стране значительно ускорились, поэтому исследования по данным вопросам приобретают все большее значение. Наша статья посвящена уровню и темпам демографического старения России, его региональным особенностям и обуславливающим их факторам ⁴.

В 1959 г. эксперты отдела демографии ООН, приняв за порог старости отметку 65 лет, разработали шкалу для измерения уровня демографического старения, в соответствии с которой при доле населения в возрасте 65 лет и старше менее 4% население является молодым, при 4-7% оно считается зрелым, нахо-

дящимся на пороге старости, при 7% и выше – старым. Французским демографом Ж. Боже-Гарнье для стран, где основная масса населения уходит на пенсию в 60 лет, была предложена шкала с порогом старости 60 лет, впоследствии доработанная и детализированная польским исследователем Э. Россетом. По этой шкале при удельном весе населения 60 лет и старше до 8% население молодое, 8-10 – соответствуют первому преддверию старости, 10-12 – поздней переходной фазе демографического старения, т.е. собственно преддверию старости, свыше 12% – демографической старости. Далее Э. Россетом были выделены уровни демографической старости: при 12-14% населения старших возрастов наблюдается начальный уровень старости, 14-16 – средний, 16-18 – высокий, при 18% и более – очень высокий.

Граница старости 60 лет применяется и в шкале английского демографа Дж. Сандберга, в которой придается значение также соотношению молодых и пожилых групп населения. Согласно шкале Сандберга демографической старости соответствует структура населения с удельным весом молодежи до 15 лет меньше 30%, а населения в возрасте 60 лет и старше – более 15%⁵.

В настоящее время в оценках уровня и перспектив демографического старения ООН применяется оба порога старости: 60 лет чаще при глобальных оценках, 65 лет – при акценте на региональные особенности изменения возрастной структуры населения. Например, оценки Отдела населения ООН 2012 г. основаны на границе 60 лет, а в обзоре 2015 г. используется граница 65 лет. Отечественные исследователи традиционно пользуются порогом 60 лет. Однако оба применяемых в мировой практике порога старости привязаны к верхней границе трудоспособного возраста, поскольку количество и удельный вес лиц пенсионного возраста определяют экономические аспекты постарения населения, и именно переход границы трудоспособности обуславливает формирование нового социального статуса человека со всем сложным комплексом социально-психологических последствий старения. Поэтому мы в наших исследованиях также придерживаемся экономического порога старости, т.е. достижения пенсионного возраста, который в России гендерно дифференцирован: до 2018 г. это 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин, с 2019 по 2023 г. он постепенно увеличится на пять лет. Тем более что граница 60 лет для обоих полов была введена в научный оборот еще в 1960-х гг., и с точки зрения социальных аспектов демографического старения ее можно считать несколько устаревшей: при их рассмотрении в настоящее время логичнее придерживаться более значительных возрастов⁶.

В демографическом старении принято различать «старение снизу», происходящее из-за постепенного сокращения числа детей из-за снижения рождаемости, и «старение сверху», вызываемое ростом числа старых людей в результате сокращения смертности в старческих возрастах при относительно медленном росте числа детей. Существенное влияние на изменения возрастной структуры населения могут оказать также направление и интенсивность миграционных процессов. Поскольку наибольшей территориальной подвижностью характеризуются люди в активных трудоспособных возрастах, интенсивный миграционный отток населения из региона способствует постарению его возрастной структуры за счет сокращения доли рабочих возрастов, в то время как положительное сальдо миграции содействует омоложению населения. И, наконец, темпы постарения населения могут определяться особенностями демографической истории территории, увеличиваясь в периоды достижения принятого в данной стране порога старости поколениями, родившимися в годы высоких уровней рождаемости⁷.

В первой половине XX в., в период интенсивного снижения рождаемости и роста средней продолжительности жизни населения за счет уменьшения смертности в детских возрастах, население промышленно развитых стран старело в основном «снизу». В последние десятилетия оно стареет как «снизу» – из-за невысокой рождаемости, так и «сверху» – вследствие увеличения продолжительности жизни населения в условиях дальнейшего сокращения смерт-

ности от хронических болезней, сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований в зрелых и старших возрастах.

В России до недавних пор складывалась несколько иная ситуация. В целом за последние шесть десятилетий доля населения старше трудоспособного возраста увеличилась в стране почти в два с половиной раза: с 10,2% в 1959 г. до 22,2 – в 2010 г. и до 25,4%, по оценкам – на начало 2018 г. (табл. 1).

Таким образом, по сути, какой бы шкалы старости ни придерживаться, население России относится к старому. Однако интенсивное «старение сверху» было характерно для России в основном для двух временных отрезков. Для межпереписного периода 1959-1970 гг., когда удельный вес лиц старше трудоспособного возраста увеличился в РСФСР с 10,2 до 15,4% при менее значительном сокращении детских контингентов, и особенно для межпереписного периода 1979-1989 гг., когда доля пенсионных возрастов выросла с 16,3 до 18,5% в условиях увеличения доли детей.

Оба этих периода характеризуются достижением максимальных уровней продолжительности жизни российского населения. В середине 1960-х гг. продолжительность жизни достигла в России 64,60 года у мужчин (в 1964-1965 гг.) и 73,54 года у женщин (в 1967-1968 гг.), после чего практически два десятилетия наблюдались стагнация и снижение ее величины. А показатели ожидаемой продолжительности жизни 1986-1987 гг., составившие 70,13 года для всего населения, 64,91 – для мужчин и 74,55 – для женщин, буквально до недавнего времени являлись максимальными за всю российскую историю. Лишь в 2012 г., после девяти лет сокращения уровня смертности, величина продолжительности жизни для обоих полов, составившая 70,24 года (64,56 – для мужчин и 75,86 – для женщин), превысила рекордный уровень 1986-1987 гг. При этом по женскому показателю максимальная отметка была перекрыта еще в 2009 г., по мужскому – лишь в 2013 г.

Таблица 1

Возрастная структура населения России по данным переписей

	Удельный вес населения в возрасте:			Доля лиц старше трудоспособного возраста в составе населения 16 лет и старше, %
	моложе трудоспособного, %	трудоспособном, %	старше трудоспособного, %	
1959 г.*	31,4	58,4	10,2	14,9
1970 г.*	28,6	56,0	15,4	21,6
1979 г.*	23,3	60,4	16,3	21,3
1989 г.*	24,5	57,0	18,5	24,5
2002 г.	18,1	61,3	20,5	25,1
2010 г.	16,2	61,6	22,2	26,5
2018 г.**	18,6	56,0	25,4	31,2

Источники: Росстат; Демографический ежегодник Республики Коми. 2018. Статистический сборник. – Сыктывкар: Комистат, 2018. С. 158-162.

* РСФСР.

** Оценка на начало года.

Следует обратить внимание, что межпереписной период 1979-1989 гг. полностью отвечает приведенному определению «старения сверху». Демографические процессы «снизу» в это время, наоборот, содействовали омоложению российского населения. Речь идет о росте уровня рождаемости в первой половине – середине 1980-х гг. под действием мероприятий Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей»⁹.

В то же время в течение предшествующего межпереписного периода 1970-

1979 гг. удельный вес детей сократился в России намного сильнее, чем выросла доля лиц пенсионного возраста. А процент лиц старше трудоспособного возраста в составе взрослого (16 лет и старше) населения РСФСР за 1970-1979 гг. даже уменьшился – с 21,6 до 21,3%. Можно сказать, что в 1970-е гг. «старения сверху» в России не наблюдалось вообще. Население старело в основном за счет низкого уровня рождаемости. Однако определенный вклад вносил и характерный для этого времени миграционный отток российского населения в другие союзные республики СССР.

В межпереписной период 1989-2002 гг., в условиях развернувшегося в стране кризиса смертности населения, темпы увеличения процента пенсионных возрастов также были гораздо ниже темпов уменьшения доли детей. А рост удельного веса лиц старше трудоспособного возраста в составе взрослого населения оказался совсем незначительным: с 24,5% в 1989 г. до 25,1% в 2002 г. В основе этого лежат очень невысокие показатели продолжительности жизни российского населения на протяжении указанного периода, а также начавшийся после распада Советского Союза миграционный приток населения из стран нового зарубежья. При этом благодаря миграционному приросту, во многом связанному с более благоприятными в России условиями реализации экономической активности населения, в стране произошло заметное увеличение не только удельного веса населения в трудоспособном возрасте (с 57,0% в 1989 г. до 61,3% в 2002 г.), но и его численности: с 83,7 млн. до 88,9 млн. человек, в то время как общая численность населения России за это время сократилась со 147 млн. человек до 145,2 млн.¹⁰

Стало быть, миграция в 1989-2002 гг. в значительной степени способствовала сдерживанию темпов постарения населения России.

Кроме того, к концу рассматриваемого периода численность поколений, достигающих пенсионных возрастов, в целом сокращалась. Так, в 2002 г. возраста выхода на пенсию достигли мужчины 1942 г. рождения и женщины 1947 г. рождения. Как известно, послевоенный компенсационный подъем рождаемости начался в стране не сразу после Великой Отечественной войны, а только в конце 1940-х гг., когда произошла массовая демобилизация из армии. Соответственно в 1989-2002 гг. уменьшалось число не только мужчин, переходящих возрастную границу трудоспособности, но также и женщин. Это тоже сужало масштабы демографического старения России в указанный межпереписной период.

С 2000 г. в России наблюдается повышение уровня рождаемости. Вследствие этого последний межпереписной период 2002-2010 гг. характеризуется сокращением темпов «старения снизу»: за 1989-2002 гг. доля населения моложе трудоспособного возраста уменьшилась на 26,1%, а за период 2002-2010 гг. – лишь на 10,5%. С 2004 г. позитивные тенденции характерны также и для уровня смертности. Тем не менее заметного возрастания темпов «старения сверху» между переписями 2002 и 2010 гг. не зафиксировано. Если за 1989-2002 гг. удельный вес населения старше трудоспособного возраста увеличился в стране на 10,8%, то за последний, более короткий, межпереписной период – на 8,3%. Иными словами, даже в условиях устойчивого семилетнего роста продолжительности жизни российского населения (по сравнению с 2003 г. прирост показателя к 2010 г. составил 4,0 года – с 64,84 до 68,94 года) и сокращения темпов «старения снизу» население страны в 2002-2010 гг. по-прежнему в большей мере старело за счет низкой рождаемости: доля детей уменьшилась за это время на 10,5%, а доля пенсионеров увеличилась лишь на 8,3%¹¹.

Внешняя миграция продолжает сдерживать темпы постарения. Однако в 2000-е гг. пенсионного возраста достигают самые многочисленные поколения россиян: поколения послевоенного компенсационного подъема рождаемости. А в трудоспособный возраст, наоборот, входили все меньшие по численности поколения 1990-х гг. рождения, лишь в самое последнее время сменявшиеся немногим более многочисленными поколениями начала 2000-х гг. Поэтому удельный вес трудоспособных контингентов в составе российского населения

даже в условиях сохранения положительного сальдо внешней миграции в период 2002-2010 гг. остался практически неизменным: 61,3 и 61,6% соответственно. При этом максимум, по оценке Росстата, был отмечен в начале 2007 г. – 63,0% (к переписи 2010 г. уже произошло сокращение до 61,6%, а к началу 2018 г. – до 56,0%). В то же время доля пенсионных возрастов в составе взрослого населения увеличилась за 2002-2010 гг. значительно, чем в предыдущем межпереписном периоде – с 25,1 до 26,5%, т.е. Россия постепенно приближалась к западной модели постарения¹².

По оценкам на основе текущей статистики, к началу 2018 г. доля населения старше трудоспособного возраста увеличилась в России до 25,4%. За прошедшие после переписи 2010 г. семь с лишним лет она возросла на 14,4% (по сравнению с 8,3% за восемь лет между переписями 2002 и 2010 гг.). При этом в условиях роста рождаемости увеличился в этот период и удельный вес детских возрастов – на 14,8%, т.е. «старения снизу» в настоящее время в стране не наблюдается. А процент пенсионных возрастов в составе взрослого населения вырос еще значительно – на 17,7% (до 31,2% в составе населения). Таким образом, можно считать, что после переписи 2010 г. для России характерна западная модель постарения.

В ближайшие годы темпы «старения сверху» в России будут только нарастать. Особенно если будут успешно выполняться задачи повышения продолжительности жизни российского населения. А задачи поставлены очень амбициозные: войти к концу 2020-х гг. в клуб стран «80 плюс». 7 мая 2018 г. Президент России подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором в качестве одной из первоочередных национальных целей развития страны обозначено достижение к 2024 г. ожидаемой продолжительности жизни населения 78 лет, к 2030 г. – 80 лет¹³.

Обширная территория России со значительными различиями социально-экономического развития, детерминирующего характер миграционного движения населения в прошлом и настоящем и влияющего на уровень жизни населения и развития системы медицинских учреждений, с этническими особенностями рождаемости и жизнесохранительного поведения локализованных на разных территориях национальностей обуславливает заметную региональную дифференциацию характера демографического старения. Принадлежность к разным группам территорий по уровню демографического старения определяет специфику проблем, связанных с постарением населения, и должна учитываться при проведении региональной социально-экономической политики.

По состоянию на 1 января 2018 г. субъекты Российской Федерации по удельному весу населения старше трудоспособного возраста (женщины в возрасте 55 лет и старше, мужчины в возрасте 60 лет и старше) можно разделить на 7 групп (табл. 2).

К группе регионов с *низким уровнем постарения* (в начале 2018 г. доля населения пенсионного возраста не превышает 20,0%) относятся 11 субъектов Федерации: Чеченская Республика, Республики Ингушетия и Дагестан из Северо-Кавказского федерального округа, Республики Тыва и Алтай из Сибирского ФО, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа и в целом Тюменская область из Уральского ФО, Чукотский АО и Республика Саха (Якутия) из Дальневосточного ФО, Ненецкий АО из Северо-Западного федерального округа. Три автономных округа – Ямало-Ненецкий, Чукотский и Ханты-Мансийский – отличаются очень существенными темпами роста, обусловленными масштабным миграционным оттоком населения. За период после переписи 2002 г. к началу 2018 г. доля населения старше трудоспособного возраста увеличилась в этих округах в 2,2-2,5 раза. В 2002 г. они характеризовались самым низким в России удельным весом пенсионного возраста в структуре населения (соответственно 4,6, 6,7 и 6,8%), а к началу 2018 г. доля пенсионных контингентов увеличилась в округах до 11,6-15,6%. Первые позиции в 2018 г. занимают Чечня и Тыва с процентом старших возрастов 10,4-11,4%.

Таблица 2

**Классификация регионов России по уровню (на начало 2018 г.)
и темпам роста уровня постарения (за 2002-2018 гг.)**

Уровень постарения	Регионы	Темпы постарения	Основные факторы характера постарения
Низкий: доля населения старше трудоспособного возраста не превышает 20,0%, 11 субъектов РФ	Республики: Чеченская, Ингушетия, Дагестан, Тыва, Алтай, Саха (Якутия) Автономные округа: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский Область: Тюменская	Высокие: Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Чукотский АО	Значительный миграционный отток населения
		Средние: Республики Ингушетия, Алтай, Саха (Якутия), Ненецкая АО, Тюменская область	Миграционный отток населения
Существенно ниже среднероссийского: доля населения старше трудоспособного возраста от 20,1 до 22,0%, 5 субъектов РФ	Республики: Бурятия, Кабардино-Балкарская Края: Забайкальский, Камчатский Область: Магаданская	Высокие: Камчатский край, Магаданская область	Повышенные показатели рождаемости Значительный миграционный отток населения
		Средние: Бурятия, Забайкальский край	Миграционный отток населения
Ниже среднероссийского: доля населения старше трудоспособного возраста от 22,1 до 24,0%, 14 субъектов РФ	Республики: Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия – Алания, Коми, Хакасия, Башкортостан Края: Красноярский, Хабаровский Области: Мурманская, Иркутская, Томская, Амурская, Сахалинская Автономная область: Еврейская	Высокие: Республика Коми, Мурманская и Сахалинская области	Значительный миграционный отток населения
		Средние: Калмыкия, Хакасия, Красноярский и Хабаровский края, Иркутская, Томская, Амурская области, Еврейская АО	Миграционный отток населения
Среднероссийский: доля населения старше трудоспособного возраста от 24,1 до 26,0%, 17 субъектов РФ	Республики: Адыгея, Татарстан, Удмуртская, Чувашская, Марий Эл Края: Ставропольский, Пермский, Приморский Области: Астраханская, Московская, Калининградская, Оренбургская, Новосибирская, Омская, Кемеровская, Челябинская, Свердловская	Высокие: Республика Коми, Мурманская и Сахалинская области	Значительный миграционный отток населения
		Средние: Республика Удмуртия и Марий Эл, Приморский край, Омская и Калининградская области	Миграционный отток населения (кроме Калининградской области)
Выше среднероссийского: доля населения старше трудоспособного возраста от 26,1 до 28,0%, 17 субъектов РФ	Республики: Карелия, Мордовия Края: Краснодарский, Алтайский Области: Ростовская, Волгоградская, Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Белгородская, Брянская, Самарская, Саратовская, Нижегородская Города: Москва, Санкт-Петербург, Севастополь	Невысокие: Республика Адыгея, Татарстан, Чувашия, Ставропольский и Пермский края, Астраханская, Московская, Оренбургская, Новосибирская и Свердловская области	Миграционный приток или повышенные показатели рождаемости
		Средние: Карелия, Алтайский край и Архангельская область	Миграционный отток населения
Существенно выше среднероссийского: доля населения старше трудоспособного возраста от 28,1 до 30,0%, 18 субъектов РФ	Республика: Крым Области: Калужская, Костромская, Смоленская, Липецкая, Ярославская, Курская, Воронежская, Ивановская, Орловская, Владимирская, Тверская, Ульяновская, Кировская, Пензенская, Курганская, Новгородская, Псковская	Невысокие: Мордовия, Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская, Вологодская, Ленинградская, Белгородская, Брянская, Самарская, Саратовская и Нижегородская области, города Москва, Санкт-Петербург и Севастополь	Миграционный приток населения
		Средние: Ульяновская, Курганская и Кировская области	Миграционный отток населения
Высокий: доля населения старше трудоспособного возраста выше 30,0%, 3 субъекта РФ	Области: Рязанская, Тамбовская, Тульская	Невысокие: Республика Крым, Калужская, Костромская, Смоленская, Липецкая, Ярославская, Курская, Воронежская, Ивановская, Орловская, Владимирская, Тверская, Пензенская, Новгородская и Псковская области	Миграционный приток населения
		Невысокие: Рязанская, Тамбовская, Тульская	Миграционный приток населения

Рассчитано по данным Росстата, Государственного комитета статистики Украины; Демографический ежегодник Республики Коми. 2018. Статистический сборник. – Сыктывкар: Комистат. 2018. С. 158-162.

Незначительными темпами прироста доли населения пенсионного возраста среди регионов с низким уровнем постарения, кроме указанных двух субъектов, отличается также Дагестан. В основе этого лежат высокие уровни рождаемости во всех указанных трех территориях.

Пять субъектов Федерации характеризуются в начале 2018 г. удельным весом населения старше трудоспособного возраста от 20,1 до 22,0%, что соответствует *уровню постарения существенно ниже среднероссийского*. Это Республика Бурятия и Забайкальский край из Сибирского федерального округа, Кабардино-Балкарская Республика из Северо-Кавказского ФО, Камчатский край и Магаданская область из Дальневосточного ФО. Дальневосточные субъекты в условиях устойчивого миграционного оттока населения характеризуются значительными темпами увеличения доли пенсионных возрастов (за 2002-2018 гг. на 70-90%).

В Кабардино-Балкарии темпы постарения не очень значительны – примерно 30% за указанный период, из-за повышенных показателей рождаемости.

В 14 регионах России доля населения пенсионного возраста колеблется от 22,1 до 24,0%, что можно охарактеризовать как *уровень постарения ниже среднероссийского*.

К ним относятся Республика Калмыкия из Южного федерального округа, Карачаево-Черкесская Республика и Республика Северная Осетия – Алания из Северо-Кавказского ФО, Мурманская область и Республика Коми из Северо-Западного ФО, Иркутская и Томская области, Красноярский край и Республика Хакасия из Сибирского федерального округа, Амурская и Сахалинская области, Еврейская автономная область и Хабаровский край из Дальневосточного ФО и Республика Башкортостан из Приволжского ФО. Значительными темпами роста постарения в этой группе, как и двух предыдущих (увеличение на 58-65%), отличаются субъекты с многолетним миграционным оттоком населения: Мурманская и Сахалинская области и Республика Коми. Самые низкие темпы прироста постарения (14-24%) в национальных республиках с высокими показателями рождаемости коренных этносов: в Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Башкортостане.

Еще 17 субъектов Федерации характеризуются удельным весом населения пенсионного возраста от 24,1 до 26,0%. Этот *уровень постарения* можно считать *среднероссийским*: по оценке на начало 2018 г., доля населения старше трудоспособного возраста в целом по Российской Федерации составляет 25,4%.

В числе регионов со среднероссийским уровнем постарения населения Астраханская область и Республика Адыгея из Южного федерального округа, Ставропольский край из Северо-Кавказского ФО, Приморский край из Дальневосточного ФО, Республики Татарстан, Марий Эл, Удмуртская и Чувашская, Пермский край и Оренбургская область из Приволжского федерального округа, Московская область из Центрального ФО, Новосибирская, Омская и Кемеровская области из Сибирского ФО, Калининградская область из Северо-Западного ФО, Челябинская и Свердловская области из Уральского федерального округа. Большинство регионов этой группы отличаются невысокими (до 30%) и средними (30-39%) темпами прироста уровня постарения.

Самый незначительный прирост доли населения старше трудоспособного возраста за 2002-2018 гг. характерен для Московской области (6,4% – это минимальная цифра среди 85 регионов России), в основе чего лежит существенный миграционный приток населения. А также для Республики Адыгея с высоким уровнем рождаемости (14,2% – уровень прироста доли пенсионных контингентов, типичный для Северо-Кавказских национальных республик). В группе регионов со среднероссийским уровнем постарения лишь Приморский край, Республики Удмуртия и Марий Эл, а также Омская область отличаются темпами роста, заметно превышающими темпы по стране в целом (за 2002-2018 гг. увеличение на 24%).

Также в 17 регионах страны доля населения старше трудоспособного возраста в начале 2018 г. составляет от 26,1 до 28,0%. Этот уровень постарения

можно определить как *уровень выше среднероссийского*. К ним относятся Краснодарский край, Ростовская и Волгоградская области и город Севастополь из Южного федерального округа, Архангельская, Вологодская и Ленинградская области, город Санкт-Петербург и Республика Карелия из Северо-Западного ФО, город Москва, Белгородская и Брянская области из Центрального ФО, Самарская, Саратовская и Нижегородская области и Республика Мордовия из Приволжского ФО, Алтайский край из Сибирского федерального округа. Повышенными темпами прироста доли населения старше трудоспособного возраста в этой группе территорий отличаются Архангельская область, Республика Карелия и Алтайский край (35-42%), характеризующиеся миграционным оттоком населения. В остальных 13 регионах темпы прироста уровня постарения либо ниже среднего по стране, либо, как в Москве, Саратовской области и Мордовии, немного превышают среднероссийский темп.

В 18 субъектах Федерации удельный вес населения пенсионного возраста находится в диапазоне от 28,1 до 30,0%. К этому *уровню постарения*, который является *существенно выше среднероссийского*, относятся Республика Крым из Южного ФО, Калужская, Костромская, Смоленская, Липецкая, Ярославская, Курская, Воронежская, Ивановская, Орловская, Владимирская, Тверская области из Центрального ФО, Ульяновская, Кировская и Пензенская области из Приволжского ФО, Курганская область из Уральского ФО, Новгородская и Псковская области из Северо-Западного ФО. В большинстве регионов этой группы темпы роста уровня постарения невысокие, средние или немного выше среднего, как в Пензенской области. Лишь в Ульяновской, Курганской и Кировской областях темпы прироста доли населения старше трудоспособного возраста за 2002-2018 гг. составляют 32-36%.

В трех субъектах Российской Федерации – Рязанской, Тамбовской и Тульской областях – удельный вес населения пенсионного возраста, по оценке на начало 2018 г., превышает 30,0%. Это *высокий уровень постарения*. Все эти регионы представляют Центральный ФО и являются территориями с традиционно старым населением: темп прироста уровня постарения за 2002-2018 гг. достигает здесь 20%.

Как видим, территории с уровнем постарения населения существенно выше среднероссийского и высоким – это в основном традиционно старые регионы Центрального, Южного, Приволжского и Северо-Западного федеральных округов. Рост доли населения старше трудоспособного возраста в них незначительный (за 2002-2018 гг. доля пенсионных возрастов увеличилась не более чем на 30%), что обуславливается миграционным приростом населения. Лишь в Ульяновской, Курганской и Кировской областях, характеризующихся в рассматриваемый период отрицательным сальдо миграции, наблюдаются средние темпы прироста постарения. Высокие темпы прироста (более 50% за 2002-2018 гг.) определяются значительными масштабами миграционного оттока населения, характерными для территорий, население которых длительное время формировалось за счет миграционного прироста и накопило достаточный возрастной потенциал. Поэтому все регионы с высокими темпами роста удельного веса населения старше трудоспособного возраста пока относятся к группам с уровнем постарения ниже среднероссийского.

Однако следует учитывать, что практически на всех этих территориях применяется льготный возраст выхода на пенсию, что существенно усиливает остроту экономических последствий постарения. Невысокие темпы роста доли населения старше трудоспособного возраста определяются повышенным уровнем рождаемости, которым отличаются национальные республики, и устойчивым миграционным приростом населения¹⁴.

Таким образом, в настоящее время уровень и темпы демографического старения регионов России более всего определяются миграцией и рождаемостью. В перспективе возрастет роль продолжительности жизни, особенно если будут успешно достигаться цели майского (2018 г.) Указа Президента РФ. В условиях перехода к западной модели постарения, т.е. преимущественно за счет повы-

шения продолжительности жизни населения, увеличивается не только доля, но и абсолютная численность людей старших возрастов.

«Старение сверху», характерное для промышленно развитых стран уже на протяжении нескольких десятилетий, ведет к существенным социально-экономическим последствиям, включая изменения в размерах и структуре рабочей силы, в структуре производства и потребления, в качестве жизни населения, которые требуют корректировки подходов к решению вопросов трудовых отношений, предпринимательства, социальной политики, здравоохранения (работы P. Cann, L. Ferguson, C. Minett, M.C. Wolfson).

Эффективное стимулирование занятости пожилых работников, создание благоприятных условий для их адаптации к меняющимся запросам на рынке труда, успешное использование профессиональных знаний и огромного интеллектуального потенциала населения третьего возраста – одно из достоинств западной социальной модели, поэтому достаточно большое число исследователей в промышленно развитых странах занимается вопросами занятости населения третьего возраста (Alan Walker, Arti Appannah, Simon Biggs, Chris McVittie, Andy McKinlay, Sue Widdicombe, David de la Croix, Olivier Pierrard, Henri R. Sneessens, David N.F. Bell, Alasdair C. Rutherford, Haza Moshe, Teemu Kautonen, Erno T. Tornikoski, Ewald Kibler).

Многие западные компании меняют свои подходы к ведению бизнеса, обращая растущее внимание на сегмент «серебряных потребителей» (D. Stroud, K. Walker). Растет число научных исследований по этой тематике, в том числе международных и междисциплинарных (B. Wong, Kam Ki Tang).

В отечественных социально-экономических исследованиях постарение населения рассматривается главным образом в контексте его негативных экономических последствий: увеличения демографической нагрузки на население трудоспособного возраста, влияния на рынок труда и пенсионную систему, необходимости оказания социальной поддержки пожилым людям, – а также в контексте медико-демографических проблем. В последнее время достаточно много научных работ посвящается вопросам реформирования российской пенсионной системы (А.Г. Аганбегян, В.А. Безвербный, Е.Т. Гурвич, А.Д. Ишаев, А.Л. Кудрин, Я.А. Лещенко, Г.В. Осипов, В.Д. Роик, О.В. Синявская, А.К. Соловьев, Ю.Д. Шмелев и др.), ставшим весьма актуальными в условиях ускорения постарения населения страны и еще более популярными после вынесения на обсуждение законопроекта о поэтапном повышении пенсионного возраста в России и утверждения федерального закона о его повышении до 65 лет у мужчин и 60 лет у женщин, – принят и подписан Президентом РФ 3 октября 2018 г.¹⁵

В то же время исследователями признается, что для России актуальной проблемой остается дискриминация по возрасту в трудовой сфере, которая не позволяет в полной мере реализовать трудовой потенциал населения третьего возраста (Д.Г. Владимирова, В.Г. Доброхлеб, А.Г. Левинсон, Т.В. Смирнова, А.А. Смолькин, З.А. Хоткина и др.).

Меньше внимания по-прежнему уделяется социально-психологическим аспектам постарения и социальным механизмам адаптации пожилого населения, его ресурсному потенциалу, вопросам становления новых социальных норм в стареющем обществе (В.Г. Доброхлеб, М.Э. Елютина, Д.М. Рогозин, В.Д. Роик, Э.Е. Чеканова), которые получили широкое распространение в индустриально развитых странах (F. Collard, B.F. Skinner, M.E. Vaughan, J. Vincent).

Ускорение демографического старения России актуализирует расширение тематики исследований в этой области. Представленная нами статья, посвященная уровню, темпам и региональным особенностям демографического старения России, видится постановочной для последующего изучения экономических последствий старения, выявления основных проблем, уровня жизни, ресурсного потенциала и социального самочувствия людей третьего возраста, раскрытия специфики межпоколенческих взаимоотношений в России, степени адаптации общества к процессу постарения, оценки плюсов и минусов утвер-

жденного варианта реформирования пенсионной системы, определения наиболее перспективных направлений социальной поддержки людей старшего возраста, выработки рекомендаций для совершенствования государственной социальной политики.

Сыктывкар

¹ Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект «Демографическое старение России: региональные особенности, последствия, государственная социальная политика».

² World Population Ageing 2009 (United Nations publication ESA/P/WP/212).

³ Доклад 2-й Всемирной ассамблеи по проблемам старения / Мадрид, 8-12 апреля 2002 г. – Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций. 2002.

⁴ По данным Росстата; Демографический ежегодник Республики Коми. 2018. Статистический сборник. – Сыктывкар: Комистат. 2018. С. 162.

⁵ Народонаселение. Энциклопедический словарь. – М., 1994. С. 113; Доброхлеб В.Г. Демографическое старение населения и становление новых социальных норм в стареющем обществе / Демографические перспективы России. – М.: Экон-Информ. 2008. С. 181-205; Демографический энциклопедический словарь. – М., 1985. С. 117-118.

⁶ Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat. World Population Prospects: The 2012 Revision: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). World Population Prospects: The 2015 Revision; Федеральный закон № 350-ФЗ от 3 октября 2018 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий».

⁷ Демографический энциклопедический словарь. – М., 1985. С. 117.

⁸ Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики) / Под ред. Г.Н. Кареловой, Л.Л. Рыбаковского. – М., 2001. С. 42; данные Росстата.

⁹ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР № 235 от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // СП СССР. 1981. № 13. Ст. 75.

¹⁰ По данным Росстата.

¹¹ По данным Росстата.

¹² Демографический ежегодник Республики Коми. 2013. Статистический сборник. – Сыктывкар: Комистат. 2013. С. 160; Демографический ежегодник Республики Коми. 2018: Статистический сборник. – Сыктывкар: Комистат. 2018. С. 160.

¹³ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

¹⁴ Демографический ежегодник Республики Коми. 2018: Статистический сборник. – Сыктывкар: Комистат. 2018. С. 185.

¹⁵ Федеральный закон № 350-ФЗ от 3 октября 2018 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий».